

Никонов В.А. Универсальная цивилизация?
Журнал «Стратегия России», №8, 2012 г.

НИКОНОВ Вячеслав Алексеевич
депутат Государственной Думы,
декан факультета государственного управления
МГУ им. М. В. Ломоносова,
исполнительный директор правления фонда «Русский мир»

продолжение

После падения Римской империей короновались правители Византии. Воспользовавшись тем, что престол в Константинополе занимала женщина, императрица Ирина, что противоречило традиции, Карл Великий добился титула римского императора. На Рождество 800 года, когда он присутствовал на богослужении в Риме, после мессы папа Лев III возложил на его голову корону и провозгласил цезарем. Это было не столько помазанием преклонившего голову короля, сколько отчаянной попыткой папы заручиться покровительством самого могущественного человека в Европе и обрести влияние на судьбы христианского мира. Ватикану необходим был могущественный покровитель, Карлу Великому – обоснование особого места в истории его самого и Франкского королевства, в которой он хотел видеть священную империю. Император, в котором оставалось еще очень много от варварского короля, научился читать по латыни, но писал с большим трудом. При нем так и не возникло административного аппарата, торговли, дорог. Главный метод управления сводился к назначению герцогов, которые следили за лояльностью местных феодалов.

Право германцев представляло собой, по сути, разновидность кровной мести, судьями были представители заинтересованных сторон, виновность определялась посредством так называемой «ордалии» – испытания огнем и водой или в поединке. Ордалия, или «Божий суд», проходил в присутствии священника, который как бы подтверждал, что приговор действительно выносится от имени всевышнего. Право государства франков – как и церковь – находились под сильным влиянием германских обычаев. Однако при Карле.

Великом элементы римского права вновь начали действовать наряду с обычным правом, либо взамен его.

Вражда между внуками Карла Великого привела к распаду его империи. Западная ее часть со временем стала называться Францией, а восточная – Германией. Последующие междоусобицы и набеги викингов еще больше раздробили империю. Графы и герцоги превращались в местных правителей, мало зависевших от королей. В конечном счете, монархам удалось их подчинить, но в процессе противостояния дворянство добилось многих прав, прежде всего, права на собственность, которое считалась неприкосновенной. «Не все в королевстве принадлежит королю» – вот основополагающий принцип, который лег в основу концепций политических прав и свободной экономики, во многом определивших специфику Запада и его успехи.

Франкские рыцари, облаченные в недоступные менее состоятельным противникам рыцарские доспехи, на протяжении трех столетий, примерно с 930 по 1250 годы, не знали поражений. Контролируя Францию и западную Германию, они оттеснили викингов, арабов, венгерские и славянские племена, прошли по всей Европе. Покорили или заселили Англию, части Уэльса и Ирландии, Южную Италию, Сицилию, Грецию, Богемию, Моравию, Эстонию, Финляндию, Австрию, Венгрию, Силезию, Кастилию, Арагон. Норманнское завоевание 1066 года, которому англичане придают особое историческое значение, было лишь фрагментом более широкой норманно-франкской экспансии. Франкская знать путем захватов, расчетливых браков, колонизации добилась имущественного и политического господства почти в каждом европейском королевстве. Их потомки от жен из числа местной элиты, становились национальной аристократией. Вместе с католичеством франки несли и развитую систему феодализма, органически развившуюся во Франции, но насильственно навязанной местному населению всех покоренных земель во исполнение соглашений королей и рыцарей-завоевателей, заключавшихся еще до начала военных компаний.

РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Римско-католическая церковь пережила империю, однако ее будущее было в чужих руках: папы оказались в изоляции в потерявшем столичное значение Риме, и были вынуждены идти на поклон либо к местным – первоначально, языческим – готским королям, либо к Византии. Для Западной Европы сохранилось столько античной культуры, сколько ее впитала католическая церковь.

Престиж Римской империи был той основной причиной, которая заставила завоевавших ее германцев принять христианство. Последующему превращению христианства в универсальную религию средневековой Европы способствовала его открытость для каждого: святой или грешник, король или ремесленник – каждый мог и должен быть христианином. Такая открытость западного христианства была заложена трудами святого Августина, который создал цельную ортодоксию, удерживавшую свои позиции на протяжении тысячелетия. Религия, основанная на признании всемогущего Бога, могла исповедоваться людьми, не достойными Его любви. Христиане должны жить праведной жизнью ради нее самой, ибо, только освободившись от порабощающих порочных желаний, они могут постичь Божий промысел и испытать его любовь. Книга Августина «О граде Божьем» стала самой читаемой в средневековой Европе после Библии.

Ненасилие раннего христианства уже со времен Константина отходило на второй план, ведь в противном случае официальная церковь завоевавших стран не могла рассчитывать на поддержку государства. И все же, прирав в свое лоно германских воинов, церковь не признала полностью их взглядов, и они с течением времени превращались в рыцарей. Теперь у их доблести появлялось благословение церкви.

Завоевания Карла Великого, осуществлявшиеся с благословения Рима и, во многом, с целью насаждения христианства изменило характер деятельности церкви. К силе проповеди для обращения в христианство добавлялась просто сила: посланцы Ватикана должны были обучать и исправлять население, блюсти его неукоснительную верность учению. Для искоренения греха, влекущего к Божественной каре, власть, церковь и большинство верующих полагали возможным прилагать любые усилия. Тонкие нити, из которых ткалась папская паутина, стянули западно-христианский мир в естественное единство. В XI-XIII веках были обращены в западное христианство

Венгрия, Польша, Скандинавия и Балтийское побережье, а восточная граница западной цивилизации стабилизировалась там, где ей суждено было остаться без значительных изменений надолго. Этот мир, в сущности, стал творением католической церкви.

Крестовые походы в Святую Землю для спасения ее от неверных начались в 1095 году и продолжались почти два столетия. Римский папа объявлял о начале крестовых походов и освящал их, что внушало крестоносцам непоколебимую уверенность в том, что с ними Бог.

Освободившись во времена Карла Великого от зависимости от Восточно-Римской империи, католическая церковь стала свысока смотреть на восточных христиан. Более того, греческая церковь стала рассматриваться как противник западного католичества. Православные ритуалы запрещались там, где можно было ввести латинские. Франко-норманнские рыцари изгнали византийцев из их последних западноевропейских оплотов в южной Италии. Обострение отношений достигло пика в 1204 году, когда крестоносцы вмешались во внутридинастический конфликт в Византии и захватили Константинополь. Устроив там разбой и резню, рыцари посадили на трон графа Бодуэна Фландрского. «Колоссальная прочность Восточной Римской империи была, наконец, подорвана не степными кочевниками из Центральной Азии, не пылкими мусульманами, ведущими джихад, но собратьями по вере, христианами, соперничавшими с ними в правах на одну и ту же римскую традицию», – подчеркивает известный американский историк и политолог Эдвард Люттвак. Чуть дальше он замечает: «Прежде империя была на волосок от уничтожения, но всякий раз восстанавливалась; однако за падением в 1204 г. восстановления не последовало. Когда Михаил VIII Палеолог захватил Константинополь в 1261 г., он стал править греческим царством, а не империей». И раскол между двумя церквями закрепился окончательно.

Не менее важно, что в результате крестовых походов религиозная идентичность западноевропейцев стала восприниматься как единая с расовой принадлежностью. С XII века в письменных источниках говорится о «христианском народе» или «христианской расе». Многоязычная и многонациональная смесь, которую представляли собой отряды крестоносцев (правда, неизменно возглавляемые потомками франкской аристократии), стали сознавать себя едиными не только по религии, но и по крови.

Конфликт церкви и государства

На Западе власть церкви и государства были разделены, что препятствовало созданию неограниченной монархии. Более того, конфликт между долгом по отношению к Богу и к государству, который принесло христианство, принял форму конфликта между церковью и королем.

«Усилиями Карла была создана модель государства, которой стремились подражать многие, – христианская империя, управляемая двором, где ценились благочестие и ученость, и обращавшая или подчинявшая силой языческие племена, населявшие ее границы, – подчеркивает Осборн. – Ценой такого государства оказалось подавление всякого разнообразия и наделение церкви все возрастающим влиянием в вопросах политики и образования. Карл Великий, новый создатель католической империи, поставил религию в центр государственных дел – однако одновременно поставил государство в центр дел церковных». Время франкского господства позволило

папскому Риму утвердиться в политически раздробленной Европе в качестве вселенской духовной державы, единственного голоса, вещавшего от имени христианского мира.

Потеряв мощных защитников в лице Карла и его преемников, папы стали короновать местную знать. В германской части прежней империи на престол в 936 году взшел король Оттон I, который был коронован в 973 году, и в дальнейшем титул римского императора (а вскоре и Священной Римской империи) неизменно доставался германским монархам. Император считался верховным правителем всех христиан, и теоретически им мог стать правитель любой национальности.

Церковная юрисдикция Римского папы постепенно распространилась на всю Европу – от Испании и Великобритании до Скандинавии и Польши. К XI веку в связи с окончательным оформлением феодальной системы, когда короли и аристократы стали все чаще самостоятельно назначать епископов и священников, церковь почувствовала угрозу. Если не считать Италии и Южной Франции, контроль папы над епископатами был слабым. Это решительно изменилось со времен Григория VII в конце XI века, когда духовенство всей Западной Европы превратилось в единую организацию, непреклонно устремившейся к абсолютной власти Рима. «Папский диктат» Григория VII провозглашал главенство церкви, как в религиозных, так и в светских делах. Напряженность в отношениях между духовными и светскими властями не исчезала на протяжении всех средних веков. Императоры и короли были уязвимы для обличений и проклятий со стороны церкви, а папа мог быть силой лишен престола.

До начала XIV века духовенство, как правило, одерживало верх в конфликте со светской властью, которая находилась в руках королей и баронов, стремившихся сохранить в неприкосновенности как можно больше из того, что они принесли с собой из тевтонских лесов, где не было традиции абсолютной власти. Одна из главных причин, по которой монархи западно-христианского мира соглашались с папским верховенством, заключалась в том, что папа находился в тот период вне подозрения в попытках посягнуть на сферу светской власти. Действительно, папы никогда не посягали на императорство, как императоры никогда не посягали на папство. Они не сомневались в необходимости существования друг друга, и борьба между ними шла вокруг соотношения их власти. В этом важная особенность Западной Европы, отличавшая ее, скажем, от Византии, где император воспринимался как правитель, вершивший и светские, и духовные дела, а патриарх назначался с его согласия. И лишь позднее, когда нити Ватикана начали превращаться в железные обручи, которые ощутили и короли и народы, положение стало кардинально меняться.

«В течение всей западной истории сначала церковь вообще, затем многие церкви существовали отдельно от государства, – подчеркивал Хантингтон. – Бог и кесарь, церковь и государство, духовные и светские власти – таков был преобладающий дуализм в западной культуре. Только в индусской цивилизации было столь же четкое деление на религию и политику. В исламе бог – это кесарь; в Китае и Японии кесарь – это бог, в православии кесарь – младший партнер бога. Это разделение и неоднократные столкновения между церковью и государством, столь типичные для западной цивилизации, ни в одной другой из цивилизаций не имели место. Это разделение властей внесло неоценимый вклад в развитие свободы на Западе».

Общественный и политический плюрализм

Германский вождь после распада Римской империи превратился в короля, у которого, однако, не было ни регулярной армии, ни стройной системы налогов, ни бюрократии. Он повелевал больше своим воинством, которое становилось знатью, нежели конкретной территорией или народом. Границы между владениями были размытыми и часто не имели никакого практического значения. Король наделял землями своих ближайших сподвижников. За это новая знать должна была обеспечить в случае необходимости войско королю. Земля, передаваемая в собственность, получила название феода (лен, надел), что и дало название новому общественно-экономическому строю. Возник особый тип общества, в котором повинность перед господином и обладание землей находились в прямой зависимости от военной и политической власти.

Теоретически король продолжал владеть землей, но на практике она становилась наследственной собственностью феодала, который был связан лишь клятвой хранить верность своему повелителю, пока тот защищал его. Королевская власть, таким образом, подразумевала негласно договорный характер отношений правителя и подчиненного, и эта идея никогда не умирала в Западной Европе. Это предопределяло слабость феодальных монархов и монархий. При Карле Мартелле в государстве франков землевладельцы, включая церковь, начали облагать все большими налогами крестьян-землевладельцев, выстраивая и закрепляя систему сеньориальных и феодальных обязательств. Крестьянство было прикреплено к земле и служило суверену, который, в свою очередь, служил королю. Плодородие провинций Нейстрии и Австразии сделали франкскую аристократию чрезвычайно состоятельным сословием, что, в свою очередь, позволило создать лучшую военную машину в Европе.

Центральной административной фигурой франкской Европы становился граф – местный родовитый помещик или назначенный правитель, который собирал налоги от лица сюзерена и своего собственного, председательствовал в суде и руководил местным ополчением в военном походе. Слияние военных и гражданских функций являлось фундаментальным принципом европейского феодального общества. Сложная система бенефиций, соглашений, пожалований, хартий, договоров создавала взаимозависимость между крепостным и его господином, даже между бесправным рабом и высокопоставленным придворным, включая самого короля.

Исторически западное общество было плюралистичным, в нем существовали разнообразные автономные группы. Сначала они включали в себя монастыри, монашеские ордена и гильдии. Существовали относительно самостоятельная аристократия, крепкое крестьянство, небольшой, но значимый торговый класс. Сила феодальной аристократии была особенно значима в сдерживании абсолютизма. Великая хартия вольностей, которую по праву считают первым документом, закреплявшим правовой порядок, была, по сути, хартией привилегий баронов, которую они навязали английскому королю.

Забегая вперед, следует подчеркнуть, что определенный плюрализм сохранялся и тогда, когда монархи, конфликтовавшие с феодалами и парламентами, постепенно стали брать верх. В казну ведущих государств начало поступать золото из заморских стран, услуги парламентов для пополнения казны оказались излишними, шел процесс усиления контроля над городами, областями, церквями, гильдиями и отдельными людьми со стороны все более централизованного государства. То есть, когда монархии становились абсолютными. Но это не означало абсолютизма. Почему? Потому что существовал закон.

Верховенство закона

Концепция верховенства закона было унаследована от римлян. Точнее, от византийцев, поскольку кодификацию римского права, начиная с эпохи Адриана, осуществил император Византии Юстиниан в VI веке. В конце XI века его «Корпус гражданского права» был заново открыт в Италии и лег в основу канонического права, а также светских занятий юриспруденцией в Болонье, положивших начало первому настоящему университету, а равным образом и западной юриспруденции, распространившись оттуда по всему миру.

В эпоху абсолютизма – во времена Людовика XIV – Жан Бенинь Боссюэ, епископ Мо, знаменитый французский писатель и проповедник, так определял границы власти монарха:

«Государь никому не должен давать отчет.

Государь выносит окончательный приговор.

Государь не может подвергаться принуждению.

Но при этом короли не свободны от исполнения закона».

Как видим, последнее положение ограничивало. О каких законах шла речь? Прежде всего, король должен был чтить божественные законы: пренебрежение десятью заповедями освобождало бы подданных от обязанности подчиняться. Король обязан чтить естественный закон, наделяющий человека разумом, справедливостью и чувством долга. Он должен составлять законы, опираясь на разум и справедливость, иначе подданные не будут их исполнять. Наконец, монарх обязан был уважать своих подданных, соблюдать уже существующие законы королевства. Монарх не должен был покушаться на собственность подданных, присваивать их достоинство или распоряжаться им по собственной воле. И он не мог полностью не считаться с представительными органами и корпорациями – провинциальными, городскими, профессиональными, судейскими.

Законодательство на Западе настолько наполнено римским наследием, что вплоть до XX века юристам необходимо было владеть латынью. Большая часть действующего сегодня договорного права, законов о собственности, наследовании, долговых обязательствах, диффамации, а также правила судопроизводства и свидетельских показаний представляют собой вариации на тему римского права.

Фарид Закария подчеркивает роль права в кристаллизации западной цивилизации: «На протяжении большей части современной истории власть в Европе и Северной Америке характеризовалась и отличалась от других правительств мира не демократичностью, а конституционным либерализмом. «Западную модель управления» точнее всего символизирует не массовый плебисцит, а беспристрастность суда». Замечу, правление закона, отраженное в Великой хартии вольностей, в магдебургском праве предшествовало на шесть-семь веков появлению выборов. В этом, кстати, заключается одно из кардинальнейших отличий западной модели от российской, где беспристрастность суда до сих пор остается недостижимой целью.

Институты представительства

Ни одна другая современная цивилизация не имеет тысячелетней истории представительных органов. Исландский альтинг был учрежден в 930 году – это, наверное, самый древний парламент и судебное собрание на планете, а сейчас, пожалуй, и самый маленький по размерам своего здания. Он собирался на две недели каждое лето в местечке Тингвеллир. Все желающие могли участвовать в его работе, а вожди округов-годордов – годи – были обязаны участвовать. Представительство на национальном уровне дополнялось определенной автономией на местном, чего тоже почти не наблюдалось в других регионах мира. На местном уровне, начиная с девятого века, также стали возникать органы самоуправления, сначала в итальянских городах, а затем и в трансальпийских странах.

Российская медиевистка Н.А. Хачатурян оценивает «сословно представительный режим как наиболее яркое достижение политической средневековой истории, неизвестное предшествующей мировой практике и уникальное, так как было рождено творчеством только европейских народов. Оно стало возможным благодаря сословной самоорганизации европейского общества и его социальной и политической активности, которые преобразовали многовековую историю средневековой государственности, замыкающейся на фигуре государя.... «Все, что происходит, не имеет силы, пока сословия это не санкционируют, и никакой институт не существует здраво и основательно, если поднимается против них или действует без консультации с ними», – заявляли французские депутаты в Генеральных штатах 1484 г. Ответная, отнюдь не благоприятная, но столь же показательная реакция власти: «они возомнили себя господами, забыв о том, что являются подданными», – отчетливо отразила неоднозначный характер взаимодействия политических сил, обреченных быть в связке. Политическая автономия сословий ставила существенные ограничения притязаниям королевской власти и предполагала их право на диалог с монархом, который принимал самые разнообразные формы – от частных консультаций и локального договора до самого яркого его выражения – в рамках сословно-представительного учреждения».

В средние века парламенты не были постоянными органами власти и не принимали законы. Цель была двоякой: обсуждение жалоб и получение от сословий вотума на ассигнования центральной власти. То есть, монархи собирали парламенты по мере необходимости, в основном, в тех случаях, когда им требовались дополнительные средства, обещая взамен удовлетворить просьбы прибывших. Отсюда родился принцип: никаких налогов без представительства. В некоторых случаях во времена абсолютизма эти органы были запрещены или их власть существенно ограничила. Но именно сословно-представительные учреждения обеспечили формы представительства, которые в Новое время стали развиваться в институты современной демократии.

Вольные города

Одним из главных форпостов западной цивилизации становились вновь начавшие расти города. С XI века Западная Европа переживала бум каменного строительства, когда всю ее поверхность стали покрывать кафедральные соборы, монастыри и замки. Наступила эпоха великих романских и готических соборов. Средневековая Европа делала акцент на коммерческой деятельности городов: первоначально возникавшие там храмы и казармы окружались плотным кольцом рынков, купеческих и ремесленных кварталов и складов. Признание особого статуса и роли городов было отмечено началом дарования им королевских хартий. Получая особые привилегии, стимулировавшие экономическую активность, средневековые города обретали особую

юрисдикцию, а горожане оказывались более свободными в выборе своих занятий, нежели крестьяне. Макс Вебер полагал, что самым важным было отличие, установленное земельным правом «между свободно отчуждаемой, совершенно свободной от повинностей или обложенной твердо установленными повинностями, передаваемой по наследству земельной собственностью города и крестьянской землей, переданной в пользование на разнообразных условиях владельцем земли, общиной деревни или рынка или связанной повинностью по отношению к ним. В Азии и в античности эти условия не были в одинаковой степени таковыми. Этой, все-таки только относительной, противоположности земельного права соответствовала абсолютная противоположность в личном правовом статусе горожан и крестьян. В городах Северной и Центральной Европы возник известный принцип: «городской воздух приносит свободу». В средневековых городах Европы исчезало, теряя свое экономическое значение, рабство. «Могущественные цехи нигде не допустили бы возникновения слоя ремесленников из рабов, платящих подушную подать господину, в качестве конкурентов свободных ремесленников». Городами управляли выборные советы из наиболее зажиточных и влиятельных лиц, которые из своей среды, в свою очередь, избирали бургомистра или мэра.

В 1500 году в Европе насчитывалось более пятисот государств, городов-государств, княжеств и герцогств. Городская автономия развилась особенно сильно в тех регионах, где как следствие борьбы императоров и пап, не существовало централизованной власти, - на территории современной Германии и Италии. Именно там зародились два ключевых для будущего европейской цивилизации феномена – Возрождение и Реформация.

Ренессанс

На рубеже XIII-XIV веков в Италии насчитывалось около 300 городов, живших фактически как независимые государства. Именно там началось Возрождение, исторический смысл которого заключался в начале секуляризации европейского общества, выхода его за рамки строгой католической догмы.

Люди эпохи Возрождения называли времена античных Греции и Рима классическим, то есть, лучшим, непревзойденным периодом. Язык и литература классического Рима вошли в моду, искали и находились античные манускрипты. Брунеллески и Донателло потратили годы на раскопки в римских развалинах, которые раньше не вызывали никакого интереса. Высшей похвалой художнику стало сравнение его творений с наследием древних. В архитектуре, скульптуре, живописи, литературе итальянское Возрождение стало дарить творения, сравнимые с достижениями классической Греции.

Сформулированная Августином и папой Григорием VII доктрина отречения от мирских благ и сосредоточения на молитве уступила место социальной активности и стремлению к успеху. Купцы эпохи Возрождения тратили деньги на произведения искусств и хотели чувствовать себя столь же добродетельными, сколь и их предшественники, жертвовавшие средства церквям и монастырям. Отсюда возникла концепция гражданского гуманизма, в котором вместо церкви функцию нравственного ориентира начал выполнять особый настрой мысли и чувства, воспитываемый классической литературы как камертоном благородной традиции республиканства, лично самосознания и самосовершенствования.

В Италии формировались и новые формы хозяйственных и политических отношений. Подобно древнегреческой Аттике, Ломбардия и Тоскана служили теми лабораториями западного мира, где шел удавшийся эксперимент по превращению локальных земледельческих сообществ в международное коммерческо-промышленное общество. Торговые и ремесленные города – Милан, Болонья, Флоренция, Сьенна – первыми совершили переход от феодализма к новой системе непосредственных отношений между отдельными гражданами и местными правительствами.

К концу XV века итальянцы чувствовали себя настолько выше остальных европейцев, что возродили понятие «варвары» для всех народов, обитавших по ту сторону Альп. И остальная Европа чувствовала и признавала это превосходство. Вспомните, более трех четвертей пьес Вильяма Шекспира основано на итальянских сюжетах. Старый достопочтенный герцог Йоркский в «Ричарде II» поучает молодого короля:

«Росказни о модах итальянских, –

Ведь ныне мы Италии кичливой

Во всем, как обезьяны, подражаем

И тащимся у ней на поводу».

Заметим, что именно Англия станет наиболее прилежным учеником, который лучше всех усвоит экономические и политические уроки итальянского Возрождения, когда оно умрет в самой Италии. Именно в Англии эта традиция разовьется в концепции ответственности исполнительной власти перед парламентом, то есть – начальной демократии, и индустриализма, то есть – промышленного производства на основе рыночной экономики.

Возрождение было первым вызовом средневековому миру. Вторым стала Реформация XVI века.

Реформация

Она явилось не только атакой на католическую церковь, но и мятежом северных наций против интеллектуального лидерства Италии и господства Ватикана в условиях, когда вокруг и внутри него происходили события, весьма далекие от представлений о христианском благочестии. Набожные немцы и англичане, платившие немалые деньги в папскую казну, не были довольны тем, что «власть папы не уменьшалась, а увеличивалась, в то же время становилось очевидным, что его авторитет несовместим с беспечной распущенностью Борджиа и Медичи». Особое возмущение вызывала масштабная торговля индульгенциями – отпущением грехов, которые еще предстояло совершить.

Исходя из положения Послания Павла к римлянам, где говорилось, что человека спасает вера в Христа, Мартин Лютер пришел к выводу, что не нужно ничего специально предпринимать для обретения спасения, а тем более обращаться за помощью к священникам. Реформация поставила целью перестройку церкви в соответствии с духом и словом Библии и на основе принципов и норм ранних христианских общин – собраний в скромной обстановке, а не в роскошных храмах. Протестанты отвергли церковь как посредника в откровении. Истину следует искать только в Библии, которую каждый человек может толковать для себя по-своему. За

четыре десятилетия – с 1520 по 1560 год – новая форма вероисповедания начала укореняться в северной Европе: во многих германских княжествах, швейцарских кантонах, Нидерландах, Англии, Шотландии, Скандинавии и на части Франции. После полутора столетий кровавых войн протестантизм утвердился как верование половины жителей Западной Европы.

Протестантизм вовсе не означал вседозволенность. Напротив, он требовал жесткого соблюдения евангельских канонов. В Женеве, когда ее возглавил Кальвин, за прелюбодеяние, чревоугодие и магию сажали в тюрьму, а критика доктрина кальвинизма каралась смертной казнью. Черная магия, алхимия, знахарство, на которые католицизм закрывал глаза, теперь попали под подозрение. Охота на ведьм и сжигание их на костре было по преимуществу протестантским занятием.

Реформация и порожденная ею Контрреформация – борьба с реформаторскими проявлениями и прочим вольнодумством со стороны Ватикана – положили конец и эпохе Возрождения. Престарелый Микеланджело дождался до того момента, когда ему запретили изображать обнаженные тела. В 1563 году папский престол опубликовал список запрещенных книг, в который попали сочинения Данте, Боккаччо, Макиавелли, Кастильоне. Вместе с тем, считает Фукуяма, «разрушив связи между традиционной религией и государственной властью и выведя последнюю в построенную на плюралистических принципах политическую сферу, протестантизм заложил основы для современной политики светского государства и отделения церкви от государства».

Индивидуализм

Возрождение и реформация коренным образом поменяли европейское мировоззрение. Появились субъективизм, индивидуализм, которые выступали проявлением и большей интеллектуальной свободой, и растущей социальной изоляцией личности. Устранение церкви как посредника между верующим и Богом меняло представление верующих о его отношениях и со светской властью. И не случайно, что голландский и североамериканский кальвинизм оказались так тесно связаны с идеями политического самоопределения.

Право на индивидуальный выбор – то, что Дойч назвал «революцией Ромео и Джульетты», – доминировало на Западе уже к семнадцатому веку. Даже призывы к *равным* правам для всех индивидуумов – «у самого последнего бедняка в Англии такая же жизнь, как у первейшего богача» – были слышны повсюду. Индивидуализм остается отличительной чертой Запада среди других современных цивилизаций.

Наука и позитивное знание

Наука и тяга к позитивному знанию, которое обеспечило и обеспечивает приоритет Запада, пришли туда с... Востока, из мира ислама, который на рубеже I-II тысячелетий находился на более высоком уровне развития. Когда европейские аристократы во время крестовых походов прибыли в Святую Землю, знатные арабы поражались, насколько они грубы и необразованны. После покорения арабскими войнами Ближнего Востока, классические греческие тексты, прекрасно сохранившиеся и имевшие переводы на арамейский и персидский языки, обрели новую жизнь в умах и творениях исламских мудрецов. Труды Платона и Аристотеля стали частью канона арабского мира, и именно оттуда они в XII веке вернулись в успешную полностью позабыть о них Европу – через контакты с магометанами в Испании, которая под властью арабов стала самой цивилизованной частью Европы, и, в меньшей степени, в

Сицилии. Именно тогда античные Греция и Рим были включены в культурную родословную европейской цивилизации, а сами европейцы познакомились с арабскими цифрами (которые, вообще-то были изобретены в Индии), с алгеброй и химией. Начиная с XII века, все это стали изучать в университетах, которые появились первоначально в Италии, Франции и Англии, а затем за три столетия распространились по всей Европе. Средневековая Европа начала постигать науку с отдельных трудов Аристотеля 15-вековой давности – по логике, медицине, астрономии и математике, и авторитет этих трудов был непререкаем. Кроме этого, в программы университетских курсов входили Библия, труды Августина, вновь открытый кодекс Юстиниана, которые составили основу курсов по богословию и праву. Европейское высшее образование изначально развивалась как унифицированная международная система. Прежде всего, потому, что университеты были церковными заведениями, в которых готовили либо к служению среди паствы, либо к научным занятиям под сенью монастырей. Изучение права тоже было важно, поскольку церковь не оставляла надежд подчинить своей юрисдикции и светский мир.

В XVI веке прозвучал удивленный лозунг научной революции: «Древние греки, оказывается, могли ошибаться!». Европейские ученые начали их превосходить. Телескоп и изобретенный в 1609 году микроскоп убедили ученых, что классические авторитеты не зря поставлены под сомнение. Это было тем более очевидно в свете все новых географических открытий. Первым серьезным проявлением собственно европейской науки стала публикация гелиоцентрической теории Коперника в 1543 году. Практическое значение науки впервые было признано в связи с ее полезностью в военном деле. Галилео Галилей и Леонардо да Винчи получили должности на государственной службе благодаря своим проектам модернизации артиллерии и фортификаций. Начиная с этого времени роль ученых в военной сфере росла. В гражданской области спрос появился с началом машинного производства

Наука, которую называли еще натуральной философией, занималась наблюдением за миром. Главным двигателем и инструментом науки выступило книгопечатание. Оно же сильно повысило интерес к гуманитарному знанию.

Парламентаризм и демократия

Европейская политическая философия, ставившая проблемы государственного управления, пробудилась в XVI веке, когда широкую известность приобрели труды Никколо Макиавелли, идеи испанского католического философа Франсиско Суареса о праве королей повелевать и праве народов свергать тиранов, выходит «Утопия» Томаса Мора. Впервые стали задаваться революционные вопросы о том, как сделать жизнь людей лучше. Шанс на публичное обсуждение и испытание на практике у политических теорий появился в Англии. Почему там? Тойнби объяснял это тем, что «Англия, будучи по своей территории меньше континентальных феодальных королевств и обладая четче очерченными границами, гораздо раньше своих соседей достигла подлинно национального существования в противовес феодальному». Если Тюдоров упрекали в стремлении к деспотии, то при Стюартах парламент начал возвышаться до уровня короны, и предпринял попытку заставить Карла I смириться с ролью монарха как слуги государства.

Аристократы и землевладельцы, составлявшие парламент, всего лишь стремились сохранить свои древние права и привилегии, для чего разработали ряд мер по ограничению полномочий короля: регулярный созыв парламента, введение налогов лишь с его согласия, независимость суда. Тем самым, они произвольно заложили

основы либерального государства, в котором найдено место для рационального человека, наделенного чувством собственного достоинства. Для реализации этой цели потребовались две революции, проведенные, правда, с заметно меньшим кровопролитием, чем последовавшие в других государствах. Основные события уложились в период с начала гражданской войны в 1642 году через Билль о правах 1689 года до Акта о престолонаследии 1701 года.

В постреволюционное время земельная аристократия заняла доминирующее положение. «Рациональный индивидуум – грамотный, образованный дворянин («джентльмен»), регулярный читатель книг и газет, знакомый с содержанием идейной полемики, религиозный, но прагматичный – обнаружил, что это государство вполне служит его потребностям. На протяжении следующих примерно 200 лет британскому государству лучше остальных удавалось направлять в благотворное русло устремления и активность этой самоуправляющейся социальной группы – дав ее членам доступ к власти. По мере того, как остальные нации следовали примеру Британии, вкусы, идеи и социальные условности среднего и мелкого дворянства (в противоположность как монархическому классу, так и простонародью) превращались в лейтмотив западной цивилизации», – справедливо замечает Осборн. В XVIII веке началась эпоха англomanии, как называли ее французы. В остальных странах Европы после этого пришлось все больше прислушиваться к требованиям образованных дворян, которые были начитаны по вопросам прав и обязанностей, свободы и конфликта интересов. За ними подтягивались и другие обеспеченные слои, создавая массу прагматичных и самостоятельных индивидуумов, осознающих ответственность за собственную судьбу. Позднее их назовут средним классом. Там где к ним плохо прислушивались, как во Франции, возникли большие проблемы.

Принципы либерализма, призванные теоретически поддержать парламентский переворот, были сформулированы Джоном Локком в труде «Два трактата о правлении», опубликованной в 1690 году. Опираясь на римскую идею естественного права и мнение большинства в английском парламенте, он уверял, что каждый человек с рождения наделен правами на жизнь, свободу и собственность. Государство Локк представил как результат общественного договора, согласно которому люди предоставляют часть своих свобод правительству в обмен на защиту своих прав.

С тех пор политические идеи, все шире распространяясь из-за роста грамотности, сделались исключительно влиятельным средством политических перемен. Политическая философия расцвела в эпоху Просвещения, предшествовавшую Великой французской революции конца XVIII века. «Монтескье проповедовал неверно понятые им английские достижения, – отмечал Тойнби. – Англomanия в форме культа конституционной монархии была одной из огневых цепей, воспламенивших французскую революцию». Главной целью было объявлено преобразование всех общественных институтов – от политики до морали и веры – на основе принципов разума. Один из ярких представителей Просвещения утверждал: «Человек не будет свободным до тех пор, пока последний король не будет повешен на кишках последнего священника». Революция не только свергла гнет короля и ставшей ненавистной в эпоху рациональности церкви, но и обернулась большим кровопролитием и диктатурой.

Современное европейское государство, которое сложилось в XIX веке, соединило в себе французские принципы централизации и гражданственности с британским принципом политической конкуренции.

Что же касается электоральной демократии, то она развивалась постепенно. В Великобритании до реформы 1832 года избирательным правом обладали 1,8 процента граждан, после – 2,7 процента. Затем этот показатель увеличился до 6,4 процента в 1867 году и до 12,1 – в 1884-м. Только с предоставлением избирательных прав женщинам в 1930 году страна стала соответствовать современному стандарту демократии. Через полвека после обретения независимости в выборах президента США принимали участие 5 процентов взрослого населения. Женщины стали голосовать в 1920 году, а последние ограничения для голосования афро-американцев в южных штатах исчезли в 1960-х годах. Кто первыми в мире ввел всеобщее и полное избирательное право? Россия – после Февраля 1917 года.

Окончание следует